

Стояло начало июня, вовсю палило солнце. Золотистые цветы рапса сплошь покрывали полевые межи; издалека они казались бескрайним золотым морем, колышущимся на ветру. Это рапсовое поле раскинулось у западной окраины деревни Чжаоцзя, а прямо по соседству с ним стояла школа, занимавшая дом с двумя внутренними двориками.

Деревня Чжаоцзя прежде носила другое имя. Много лет назад здесь случилось невиданное: один из местных жителей успешно сдал экзамен и стал господином цзюйжэнем. Чтобы приобщиться к таланту, ниспосланному Звездой Литературы, деревенские старейшины решили переименовать селение в деревню Чжаоцзя, дав ей ту же фамилию, что носил господин цзюйжэнь.

В этот самый момент у школы царило оживление.

Двое немолодых мужчин в коротких куртках занесли внутрь деревянный сундук. В самой школе царила торжественная атмосфера. На почетном месте во главе стола сидел Учитель Цзэн, а слева от него стоял симпатичный, опрятный юноша.

Вслед за мужчинами, занесшими сундук, в класс вошла женщина, ведшая за руку мальчика лет семи-восьми.

Женщина робко подняла глаза, взглянула на Учителя Цзэна и тут же отвела взор. Скользнув взглядом по стоявшему рядом миловидному юноше, она удивленно охнула. Но не успела она вымолвить и слова, как Учитель Цзэн громко объявил:

— Склонитесь пред Мудрецом.

Женщина торопливо зашептала:

— Сынок, скорее поклонись Мудрецу.

Мальчик и знать не знал, кто такой Мудрец, но раз мать велела — послушно опустился на колени. Следуя наставлениям Учителя Цзэна и подсказкам матери, он прилежно отвесил три земных поклона перед поминальной табличкой Конфуция, а затем еще трижды поклонился самому Учителю Цзэну.

Учитель Цзэн с одобрением кивнул и протянул руку.

Тан Шэнь тут же шагнул вперед, взял из рук родных мальчика кисть с красной тушью и передал ее Учителю Цзэну. Тот взял кисть в правую руку, а левой развернул свиток «Лунь юй». Обведя красным цветом первую строчку, он звучно зачитал:

— Учитель сказал: «Учиться и время от времени повторять изученное — разве это не приятно?»

Женщина не поняла смысла этих слов, но перед тем как прийти в школу, она многократно твердила их сыну. Заслышав знакомую фразу, мальчик поспешил повторить ее вслед за учителем.

Учитель Цзэн погладил длинную бороду:

— Дитя полно усердия, его можно учить.

Все присутствующие с облегчением вздохнули.

Тан Шэнь забрал из рук Учителя Цзэна кисть и свиток.

На этом сегодняшний ритуал начала обучения подошел к концу.

В деревне Чжаоцзя насчитывалось более семидесяти дворов, так что по меркам здешней округи она считалась довольно крупной. В этом месяце двое ребятишек должны были поступить в школу, и перед началом занятий Учителю Цзэну надлежало лично провести для них ритуал просвещения. В таких случаях Учитель Цзэн обычно звал на помощь кого-нибудь из учеников, чтобы вместе провести ритуал просвещения. Дело это считалось почетным и выгодным.

Раньше для этого всегда выбирали его дальнего племянника, но в последние два раза помощником почему-то оказывался Тан Шэнь.

Женщина подняла сына с колен и как-то странно посмотрела на Тан Шэня. Не успела она открыть рот, как заговорил ее брат.

Один из мужчин, что заносили сундук, недовольно произнес:

— Учитель Цзэн, почему вы каждый раз зовете этого мальчишку из семьи Тан помогать с ритуалом просвещения? Уж простите мне мою прямоту, но он больше не учится в школе и ученым мужем ему не стать. Мы ведь из уважения к вам просим провести ритуал, а не ради того, чтобы... — он осекся, не решившись договорить: «чтобы делом заправлял какой-то оборванец, бросивший учебу!»

Учитель Цзэн был единственным сюцаем в деревне Чжаоцзя. Его ученое звание давало ему право не преклонять колени даже перед самым уездным судьей. Мужчина не посмел договорить до конца, но его пренебрежение и так было очевидно.

Учитель Цзэн нахмурился:

— Разве в деревне Чжаоцзя только я один имею звание сюцай?

— Само собой, — ответил мужчина.

Учитель Цзэн холодно усмехнулся:

— Еще год назад все было иначе. Позволь спросить: Тан Шэнь пусть и не учится сейчас у меня, но разве его покойный отец не был сюцаем?

Мужчина замялся:

— Ну... это...

— Когда Сюцай Тан был жив, вы все заискивали перед ним и умоляли провести ритуал просвещения для ваших сыновей. Не прошло и года со дня его кончины, как вы обо всем позабыли! И теперь вы еще недовольны тем, что сын Сюцай Тана помогает проводить ритуал просвещения для ваших детей?

Мужчине нечего было возразить, и он лишь пристыженно покосился на Тан Шэня.

Лицо Тан Шэня оставалось по-прежнему спокойным и невозмутимым, его ясные глаза слегка щурились от улыбки, не выдавая никаких чувств.

Когда ритуал просвещения завершился, хозяева вручили Учителю Цзэну и Тан Шэню по красному конверту с монетами, а также преподнесли коробку прохладного рисового пирога-лянгао и корзину сладких цзунцзы — угощения, созвучные по названию с пожеланием успешно сдать экзамены.

Когда гости ушли, Тан Шэнь с легким вздохом произнес:

— Учитель, вы можете защитить меня сейчас, но не сможете защищать всю жизнь.

Учитель Цзэн взял кусочек лянгао и, жуя, проворчал:

— Сам ведь понимаешь! Я уже старик, одной ногой в могиле стою. Если действительно хочешь, чтобы я за тебя не беспокоился, возвращайся к учебе да сдавай экзамены на чин.

Тан Шэнь с невинным видом развел руками:

— В моем доме гуляет ветер, откуда мне взять денег на столь высокую плату за обучение?

Шусю — то есть плату за учебу.

Учитель Цзэн рассердился:

— Будто мне так уж нужны твои гроши! — С этими словами он запустил в Тан Шэня куском лянгао.

Симпатичный юноша со смехом увернулся, без лишних церемоний подхватил свой красный конверт и бросился наутек. Отбежав на полпути, он вспомнил, что кое-что забыл, вернулся, забрал коробку с лянгао и корзину со сладкими цзунцзы.

У Учителя Цзэна от возмущения округлились глаза.

Тан Шэнь оправдался с самым серьезным видом:

— А-Хуан очень их любит.

— А ну проваливай!

— Ха-ха-ха!

Выйдя из школы, Тан Шэнь зашагал по тропинке среди рапсового поля. Он достал из коробки один кусочек лянгао и откусил.

«Хм... красные финики, клейкий рис. Вкус фиников слишком сильный. Похоже на финиковое мороженое?» — подумал он и с улыбкой покачал головой: «Нет, до мороженого далеко». Однако, вопреки своим словам, прошагав еще немного, он выудил из коробки второй кусок.

Выбравшись с рапсового поля, Тан Шэнь оглянулся на школу.

Лазурное небо, белые облака, крестьянские дома и золотые цветы.

«Уже два месяца прошло...»

Да, с тех пор как он перенесся в деревню Чжаоцзя и стал местным «Тан Шэнем», минуло ровно два месяца.

В прежнем мире его звали точно так же.

Еще два месяца назад он был аспирантом одного из двух лучших университетов страны и вместе с профессором проводил исследования в области контроля энергопотребления из альтернативных источников. Эта работа выжала все соки из сотрудников лаборатории. Тан Шэнь не спал трое суток кряду и, едва успев рассчитать важнейшие показатели, просто закрыл глаза — а когда открыл, оказался здесь.

Поначалу Тан Шэнь пребывал в полном недоумении. Он еще не успел оправиться от бесконечных расчетов, как столкнулся с куда более суровой проблемой выживания: ему было элементарно нечего есть!

Мысленно оплавав невзгоды двухмесячной давности, Тан Шэнь с лянгао и цзунцзы в руках направился к чайной лавке на краю деревни. Едва он подошел, как раздался звонкий девичий голосок:

— Тан Шэнь! Где ты опять пропадал?!

Одетая в серую холщовую рубаху фигурка пулей подлетела к нему.

Это была щуплая, смуглая девочка лет восьми-деяти на вид, которая была на полторы головы ниже тринадцатилетнего Тан Шэня. Приподнявшись на цыпочки, она сердито уставилась на него. Лоб ее блестел от пота, одежда тоже взмокла.

— Тебя все утро не было! А мы продали прорву фруктового сока, и мне пришлось со всем справляться одной!

Тан Шэнь помахал коробкой и корзиной:

— Погляди-ка, что тут у меня. Я ходил к Учителю Цзэну.

Глаза девочки загорелись:

— Я проголодалась.

— Всё тебе.

Тан Хуан схватила кусочек лянгао и принялась уплетать за обе щеки.

— Цзунцзы я разогрею, когда вернемся домой.

— Съешь их сама, — отмахнулся Тан Шэнь. — Сколько мы сегодня выручили за сок?

Девочка, только что с удовольствием жевавшая пирог, при этих словах насторожилась, словно защищающая волчат волчица, и подозрительно уставилась на брата:

— Ты чего задумал? Сразу говорю: ни одного медного гроша не получишь! Всё нужно сберечь на плату за учебу, тебе надо возвращаться в школу!

Тан Шэнь промолчал. Глядя на ее мокрую от пота одежду, он нахмурился:

— Почему сама не выпила сока, чтобы освежиться?

— Еще чего, его же продать надо!

Тан Шэнь молча налил чашку сока и протянул А-Хуан. Девочка сначала отнекивалась, но в конце концов взяла чашку. Сделав осторожный глоток, она зажмурилась от удовольствия.

Хозяйка чайной лавки с улыбкой окликнула его:

— А, паренек из семьи Тан пришел! Не беспокойся, твоя А-Хуан за утро продала уйму сока. Местная шпана пробовала было задирать ее, пока тебя не было, но я и рта открыть не успела, как девчушка их распугала. С виду такая худенькая, а как лавку защищает — суший зверь!

При упоминании о шпане лицо Тан Шэня изменилось. На его губах заиграла холодная усмешка — он улыбался, но от этой улыбки посреди летнего зноя мороз шел по коже.

— Неужели они опять заявили?

Стоило ему произнести эти слова, как на краю деревни показались те самые хулиганы. Они шли с явным намерением досадить Тан Хуан, но, внезапно заметив Тан Шэня, замерли на месте. Главарь сквозь зубы выругался грязным ругательством, плюхнулся на придорожный валун и уставился на Тан Шэня, не двигаясь с места.

<http://bllate.org/book/18292/1754370>